

ТРАДИЦИОННАЯ И НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ: ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТОВ

На основании анкетирования специалистов по исторической демографии из 11 городов России, проведенного авторами в 2017 г., получены ответы, которые дают возможность увидеть состояние и уровень развития современной исторической демографии в России, а также смысл и содержание такого понятия, как «новая историческая демография». Анализ ответов подтвердил сделанный ранее вывод авторов о становлении в России такого научного направления, как «новая историческая демография».

Ключевые слова: историческая демография; новая историческая демография; методы исследования; анкеты; Россия.

Сегодняшние успехи исторической демографии в России в значительной степени связаны с расширением методологического и методического арсенала исторической науки, начавшегося в 1990-х гг. Марксизм, долгое время являвшийся единственной методологической основой практически всех научных работ, отходит в это время на второй план. Произошло восстановление альтернативных методологий и обращение исследователей как к весьма разнообразному опыту дореволюционной российской историографии, так и к методологическим и методическим изысканиям историографии зарубежной. Эти изменения, совпавшие с быстрой информатизацией и компьютеризацией научных исследований, дали эффект резонанса и привели к возникновению и быстрому развитию исторической информатики в России, а также резким изменениям в объекте исследования и методах исторической демографии.

Перенос центра тяжести с макроисследований на мезо- и микроуровень дал толчок развитию региональной источниковой базы и укреплению, а в ряде мест формированию научных коллективов, ее изучающих. Проведенное ранее исследование традиций и тенденций развития отечественных центров исторической демографии приводит к постановке цели настоящей статьи, которую можно обозначить как выявление и анализ представления исследователей различных региональных центров России, работающих в поле исторической демографии, о сути исторической демографии современной России и основных векторах ее развития. Статья завершает цикл наших публикаций о становлении «новой исторической демографии» в России [1–5]. Анализ историографических традиций и тенденций развития отечественных региональных центров, работающих в области исторической демографии, привел нас, в частности, к заключению, что методологический импульс начала 1990-х гг. стал одним из важных факторов развития исторической демографии в России в «горизонтальной» плоскости с формированием региональных научных школ.

Увеличение количества региональных научных центров в России и рост их научно-образовательного уровня привели к существенной коррекции традиционной для советской науки «вертикальной» структуры, когда основная часть научной продукции производится в столице и нескольких крупных городах. В результате постепенно складывается структура с

большим количеством региональных центров развития науки. Учитывая продолжающееся развитие традиционной для России исторической демографии, к таким центрам, определяющим вектор развития, можно отнести Барнаул, Екатеринбург, Москву, Новосибирск, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Тамбов, Ярославль и ряд других городов.

Учитывая обширную географию, можно говорить о существующих различиях в направлениях работы региональных коллективов, достаточно отчетливо заметных на историографическом поле. С одной стороны, эти отличия обусловлены различной специализацией исследователей (в этом направлении работают историки, демографы и пр.) и коллективов (имеет значение тематика, хронология работ), с другой – используемыми источниковой базой (массовые первоисточники, агрегированные материалы), методами и технологиями исследований и пр. В силу этого у исследователей складывается разное понимание особенностей и векторов развития исторической демографии.

В основе настоящей работы лежат материалы анкетирования, проведенного авторами в 2017 г. Анкетирование по проблемам российской исторической демографии проводилось среди отечественных специалистов. К сожалению, по ряду причин ответы были получены далеко не от всех, мы располагаем ответами только от 17 участников. Тем не менее, исходя из географии присланных анкет и квалификации опрошенных специалистов, мы считаем возможным использовать эти ответы для того, чтобы получить общее представление о проблемах и перспективах российской исторической демографии. Из 17 ответов 4 были получены из Барнаула, 3 – из Тамбова, 2 – из Екатеринбурга и по одному – из Москвы, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Сочи и Ельца. Всего, таким образом, было представлено 11 городов различных регионов России. Все полученные анкеты хранятся на кафедре документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета.

Среди участников анкетирования 10 человек имеют степень доктора наук (из них 1 человек – доктор социологических наук и кандидат исторических, а также 9 докторов исторических наук), остальные являются кандидатами исторических наук (Алт ГУ).

Участники являются представителями государственных университетов и академических институтов,

один опрошенный работает в государственном учреждении управления и имеет прямое отношение к проблемам демографии. Стаж работы в сфере исторической демографии был указан от 3–4 до более 35 лет. В целом состав респондентов представляется весьма квалифицированным.

Всего в анкету было включено шесть вопросов, подразумевающих развернутые ответы:

1. В чем, на Ваш взгляд, заключаются суть и отличительные черты отечественной исторической демографии в настоящее время?

2. Существует ли в России такое явление, как «новая историческая демография»? Если да, то какой смысл Вы в него вкладываете?

3. Какая тематика и проблематика является, на Ваш взгляд, наиболее актуальной и востребованной в современной российской исторической демографии?

4. Является ли «регионализация» российской исторической демографии ее сегодняшней отличительной чертой? Назовите, пожалуйста, известные Вам региональные центры исторической демографии и достижения, являющиеся «визитной карточкой» каждого из названных Вами центров.

5. Отличается ли уровень развития современной отечественной исторической демографии от уровня развития ее зарубежных аналогов, и если да, то чем конкретно определяются эти отличия?

6. Каковы, на Ваш взгляд, основные векторы развития отечественной исторической демографии и ее перспективы?

Отметим наиболее значимые моменты ответов на поставленные нами вопросы.

1. Суть и отличительные черты отечественной исторической демографии в настоящее время.

При ответе на этот вопрос респонденты остановились на двух основных моментах. Во-первых, это характеристика состояния отечественной исторической демографии на современном этапе; во-вторых, анализ исторической демографии в России как научного направления, ее содержательной части.

Что касается первой части, то здесь ответы оказались довольно противоречивыми. Часть респондентов (5 человек) отметила низкий уровень современных научных кадров и подготовки квалифицированных специалистов. Прямо говорилось о том, что те, кто занимается исторической демографией на современном этапе или претендует на то, чтобы называться специалистом в этой области, не владеют в должной мере методами демографии и статистики, технологиями выявления, обработки и анализа массовых источников, математическими методами при работе с данными. Так, по словам зав. сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, д-ра ист. наук В.А. Исупова, недостаточно развит математический аппарат, историки вообще не умеют им пользоваться.

Были отмечены также слабое сотрудничество и координация специалистов. Например, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, д-ра ист. наук Ю.М. Гончаров отметил «отсутствие регулярных семинаров, конференций, нет специального обще-

российского журнала, который мог бы стать организационным центром по развитию данной проблематики». Достаточно критично об исторической демографии в России высказался начальник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, д-ра социол. наук К.В. Григоричев: «На мой взгляд, современная российская историческая демография пока отсутствует как сложившаяся отрасль научного знания, она находится по-прежнему в процессе формирования, в поисках корректного научного языка и подходов». Он отметил далее, что историки некорректно используют или совсем не понимают методы демографии, а представители социологии, географии и других «неисторических» наук не всегда ясно понимают специфику работы с историческими источниками. Отметим, что исследовательский стаж по исторической демографии среди участников, имеющих подобное, достаточно негативное мнение, составляет от 9 до 37 лет.

Говоря о соотношении поколений исследователей в области исторической демографии, можно привести ответ доцента кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета, канд. ист. наук В.Л. Дьячкова, который отражает общую тенденцию взглядов респондентов, имеющих схожие ответы: «Главная нынешняя проблема отечественной исторической демографии как части общего гуманитарного знания – критическое снижение количества и качества научных кадров молодого и уже среднего возраста, выражающееся в деградации необходимых научных способностей и подготовки исполнителя (от методологической «невинности» до отсутствия должной общей и специальной эрудиции). Как следствие – и неумение увидеть и поставить исследовательскую проблему, и невозможность ее решить (если она, все-таки, верно сформулирована «взрослыми») из-за нехватки и бессистемности естественно-научных и гуманитарных знаний».

Противоположная точка зрения была выражена в ответах менее категорично, при этом ее придерживаются респонденты, имеющие в основном меньший по сравнению с первой группой опыт работы в исторической демографии (примерно от 3 до 15 лет). По их мнению, современная историческая демография в России выходит (или уже вышла) на новый уровень развития благодаря более активному международному сотрудничеству исследователей, вхождению и активному развитию в русле мировой исторической демографии. Отмечаются положительное влияние применения новых методов и технологий, междисциплинарность историко-демографических исследований, заимствование зарубежного опыта.

Примерно половина опрошенных высказали мнение по второй части вопроса. На основе анализа и обобщения их ответов были выделены следующие характерные черты исторической демографии как научного направления в России на современном этапе:

- междисциплинарность исследований;
- заимствование зарубежных методов, подходов, технологий, теоретических разработок;
- новый подход, взгляд на работу с источниками;

- обновление источниковой базы;
- активное внедрение информационных технологий в работу с источниками и в исследования в целом; выход из изоляции, освоение западноевропейских и американских исследовательских площадок (профессор кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета, д-ра ист. наук. Е.М. Главацкая называет, например, ESSHC (European Social Science History Conference) с ее сетями: Family History and Demography и GIS; SSHA (The Social Science History Association) в рамках той же сети Family History and Demography);

- появление новых направлений, обогащение исследовательского поля, с одной стороны, и сокращение исследований по некоторым прежним направлениям – с другой. Так, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета, д-ра ист. наук В.В. Канищев указал на «очень заметное сокращение исследований по демографическим процессам конца XV – начала XVII вв. на фоне трехтомной “Аграрной истории Северо-Запада России”, сокращение внимания к изучению численности и социально-сословного населения России по документам ревизского учета».

2. Существует ли в России такое явление, как «новая историческая демография»? Если да, то какой смысл Вы в него вкладываете?

На этот вопрос положительно ответили 15 человек, один ответ отрицательный, одному участнику этот термин незнаком. Из ответивших положительно два респондента считают, что на данном этапе в России происходит только становление «новой исторической демографии». Один из участников отметил, что сформирована новая исследовательская стратегия.

Под новой исторической демографией большинство респондентов подразумевают направление, которое характеризуется следующими основными чертами:

1. Новыми методами, технологиями, подходами, в том числе заимствованными из-за рубежа. Несомненной чертой новой исторической демографии называются информационные технологии, количественные и математические методы, которые, в свою очередь, дают колоссальные возможности для расширения сфер их применения (работа с источниками, данными, моделирование, проектирование, создание баз данных (БД) непрерывных длительных линий жизненной статистики, социографической информации, технологии BIGdata, ГИС и т.п.).

2. Открытостью исследований, проектов, баз данных и других продуктов, созданных в рамках новых историко-демографических исследований. С этой точки зрения интересным и показательным был ответ уже упоминавшейся Е.М. Главацкой: «Новизна и в том, что БД попадают в открытый доступ и могут быть использованы разными исследовательскими центрами, ставящими различные задачи. До этого на протяжении десятилетий каждый исследователь создавал свою БД, сам ее использовал и никому не передавал, как тот царь Кашей, чахнувший над золотом в Лукоморье Пушкина. Сколько таких БД кануло в лету? – Не счесть им числа и имя им легион. То есть

вторая черта “новой ИД” по сравнению со “старой” – ее большая открытость».

В свою очередь, открытость привела к появлению совместных международных исследований, что также называется неотъемлемой частью понятия «новая историческая демография». Например, доцент кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета, канд. ист. наук Н.А. Жиров в своем ответе отмечает, что «совместные проекты российских и зарубежных ученых демографов в 1990–2000-х гг. дали новый импульс в микродемографических исследованиях». Углубление микроисторических эпизодов в современных исследованиях он также называет отличительной чертой новой исторической демографии.

3. Междисциплинарностью исследований, в том числе взглядом на историческую демографию как часть социальной истории.

4. Обращением к массовым первичным источникам. Как отметила начальник контрольного отдела секретариата Губернатора Алтайского края канд. ист. наук Е.В. Тарасова, применение информационных технологий позволило качественно изменить подход к источникам «Облегчился труд ученого по обработке массовых источников».

5. Изменением или расширением исследовательского поля. При этом в изменениях были отмечены и негативные моменты. Так, например, В.А. Исупов говорит о том, что увлечение актуальными и острыми проблемами, такими как «потери населения, демографические катастрофы, депортации и т.д., привело к слабой исследованности воспроизводства и экономических миграций». Расширение исследовательского поля отмечено обращением к микроисторическим эпизодам, к анализу потерь населения, демографических катастроф, динамике систем расселения и структуры населения, депортаций, выявлению демографических процессов, факторов воздействия на систему территориальных связей социумов на разных этапах развития и т.п.

3. Какая тематика и проблематика является, на Ваш взгляд, наиболее актуальной и востребованной в современной российской исторической демографии?

По данному вопросу высказались практически все. Большинство респондентов считает актуальной и востребованной ту тематику, в рамках которой находятся его исследования. Вместе с тем Н.А. Жиров и начальник отдела содействия трудоустройству выпускников АлтГУ д-ра ист. наук М.Е. Чибисов отметили, что с использованием современных методов, технологий и при профессиональном подходе любая тематика может стать таковой.

По-прежнему остаются востребованными традиционные демографические темы, проблемы и вопросы: изучение рождаемости, брачности, смертности, миграций, структуры населения. Как отметила Е.М. Главацкая, «не думаю, что мы хоть одну из них освоили на уровне мировой академической традиции». Также участниками была обозначена тематика, связанная с демографическим поведением, демографическими катастрофами и их последствиями. В ка-

честве относительно новой тематики, но не имеющей широкого распространения, назывались проблемы демографического развития семьи, демографические особенности сословий, социальных страт, а также особенности и специфика демографического развития того или иного региона, населенного пункта или общества.

Отдельную группу составили такие проблемы, как изучение зарубежной историографии по новой исторической демографии, источниковедческие проблемы, совершенствование методов и технологий исследования.

4. Является ли «регионализация» российской исторической демографии ее сегодняшней отличительной чертой? Назовите, пожалуйста, известные Вам региональные центры исторической демографии и достижения, являющиеся «визитной карточкой» каждого из названных Вами центров.

С тем, что регионализация – это отличительная черта российской исторической демографии на сегодняшний день, согласны все респонденты. Они отмечают, что в силу многих факторов (особенности источниковой базы, масштабы страны, традиции исторической науки в целом) регионализация является естественным путем развития не только исторической демографии, но и исторической науки. Интересное наблюдение содержится в ответе зав. кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета, д-ра ист. наук Л.Н. Мазур: «...именно региональные центры, в первую очередь, становятся агентами новой исторической демографии. Может быть потому, что влияние традиции и научных школ здесь меньше, и они более открыты новым веяниям, идеям. Региональные центры более мобильны в тематическом и технологическом плане. Кроме того, играет роль источниковый фактор, так как в центральных архивах слабо представлены номинативные источники (первичные массовые данные демографического учета). Они хранятся преимущественно, в региональных архивах и потому доступны на местах».

По второй части вопроса было названо более 15 центров, хотя участники и отметили, что во многих городах центрами их можно назвать условно, так как они представлены единичными исследователями. Практически все респонденты сходятся во мнении, что полноценными центрами можно назвать Московский, Санкт-Петербургский, Уральский, Алтайский, Тамбовский университеты и Институт истории СО РАН. Что касается «визитных карточек» центров, то не все участники дали ответ на этот вопрос, хотя по шести вышеназванным центрам ответы все же были. При этом Москву и Санкт-Петербург некоторые вполне справедливо не относят именно к региональным центрам.

– Московский университет. Профессор кафедры новейшей истории Пермского государственного национального исследовательского университета, д-ра ист. наук С.И. Корниенко называет в качестве «визитной карточки» этого университета «исследование демографических процессов методами матмоделирования в рамках концепции «мир-системы»»;

– Санкт-Петербургский университет. Здесь отдельно отмечают исследования д-ра ист. наук Б.Н. Миронова и коллектива во главе с д-ра ист. наук С.Г. Кащенко. Упомянуты такие темы и направления, как крестьянство северо-запада России в пореформенный период, демографические особенности и социальный состав русского населения Финляндии по материалам переписи 1897 г.; историческая демография Северо-Запада России конца XVIII – начала XX в.; демографические аспекты крестьянской реформы 1861 г. На основе создания баз данных и применения количественных методов анализа изучаются материалы церковной и иных форм статистики имперского периода (метрических книг, клировых ведомостей, ревизских сказок и т.д.). Проведен сравнительно-региональный анализ демографических процессов на Северо-Западе России в XIX в.;

– Уральский федеральный университет – это этно-религиозные, демографические и миграционные процессы на Урале в XIX в., трансформация модели семьи и домохозяйства в XIX–XX вв. Как отмечает Е.М. Главацкая, «создана лаборатория с зарубежным историческим демографом в штате для осуществления прорыва. Вероятно, в конце концов, мы будем ассоциироваться с созданием БД по городским метрическим книгам, ревизским сказкам и советским переписям и тем, что львиная доля наших работ связана с религиозными и этническими характеристиками населения». Упомянуты также социодемографический анализ населения Среднего и Южного Урала в XX в. и демография современной российской деревни.

– Алтайский государственный университет – это демографические процессы на Алтае по материалам метрических книг, историческое профессиоведение; обращения к номинативу, открытие первичных материалов и создание БД по переписи 1897 г., прорыв в использовании GIS; интенсивное методологическое освоение новых информационных технологий историко-демографических исследований, а также внимание к семейной демографии, демографическим процессам в городах дореволюционной Сибири; специальные исследования миграционных процессов; широкий спектр клиометрических исследований, связанных с изменением системы расселения, структуры населения Алтайского края.

– Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина ассоциируется с исследованиями в области социальной истории; работой с метрическими книгами и изучением демографии сельского населения; созданием непрерывных длительных линий движения популяций различных уровней, формированием на их основе электронной БД, связанной социодемографической информации и открытием в ходе этой работы указанных ритмов (циклов) как выхода на новый уровень понимания пружин, путей и исходов движения традиционных и переходных популяций; современными информационными технологиями в изучении социально-демографического развития населения Центрального Черноземья; моделированием историко-демографических процессов и изучением материалов устной истории демографического поведения конкретных людей. По словам доцента кафедры

всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета, д-ра ист. наук С.К. Лямина, в университетском Центре фрактального моделирования социальных и политических процессов «накоплен большой опыт по исследованию «демографических стратегий» в российской истории средствами фрактального моделирования».

– Институт истории СО РАН характеризуется прежде всего как центр традиционных историко-демографических исследований, куда входят изучение демографии крестьянской семьи в дореволюционной Сибири, а также исследования демографических последствий войн и революций XX в. в регионе; социодемографический анализ населения Сибирского региона, большей частью XX в.); факторы демографического кризиса постсоветского периода, включение в социологические исследования разделов, связанных с анализом изменения структуры населения, участие в проведении этнологических экспертиз.

5. Отличается ли уровень развития современной отечественной исторической демографии от уровня развития ее зарубежных аналогов, и если да, то чем конкретно определяются эти отличия?

Почти все респонденты, которые дали ответ на этот вопрос, ответили, что отличия в той или иной степени есть, один участник считает, что на современном этапе уровни развития современной и зарубежной исторической демографии более ли менее сравнялись. Три человека не ответили на вопрос.

Главной характеристикой отечественной исторической демографии, которая прослеживается практически во всех ответах, является ее «отстающий и догоняющий» характер по всем параметрам. Далее участники называют существенные отличия, которые можно считать факторами, приведшими к отставанию.

Прежде всего, это касается сферы подготовки квалифицированных специалистов, начиная со студенческой скамьи. Речь идет и о преподавании самой дисциплины, которая отсутствует как таковая в большинстве учебных планов, и об обучении методам и технологиям работы с источниками и данными. Как заметил Ю.М. Гончаров, «источниковедческая и методологическая подготовка современных российских историков нередко оставляет желать лучшего... Отсутствие системы подготовки кадров исследователей, слабая координация научных исследований, отсутствие (слабое развитие) научно-организационных центров, нередко слабое знакомство российских исследователей с новейшими методиками и технологиями исследований, зарубежными публикациями негативно сказывается на уровне отечественных исследований». Большинство исследователей, молодых специалистов (не говоря уже о студентах) не имеют возможности знакомиться на практике с зарубежным опытом, налаживать связи и непосредственно контактировать с иностранными коллегами. Как отметила Е.М. Главацкая, «их молодые демографы последовательно проходят несколько международных школ по исторической демографии и снимают сливки знаний, у нас нет такой сети, и не всегда есть возможность отправить студентов на обучение к ним. Они ездят учиться и отправляют студентов на международные

конференции – просто послушать доклады, поговорить с коллегами, проконсультироваться; мы можем поехать только с докладом, что сразу резко ограничивает возможности участия студентов, редкий из которых может самостоятельно подготовить и представить доклад уровня SSHA или ESSHC».

В тесной взаимосвязи с проблемой подготовки специалистов отмечается и такое отличие, как отсутствие профессиональной отечественной сети по исторической демографии, часть специалистов говорят и об отсутствии в России устоявшихся школ и образовательных традиций в этой сфере. Это в свою очередь усиливает регионализацию исследований и малодоступность проектов и разработок для широкого применения с возможностью выхода хотя бы на общероссийский уровень.

Еще одно очень существенное отличие, по мнению участников анкетирования, заключается в особенностях источниковой базы. Здесь выделяется несколько аспектов. Во-первых, степень сохранности необходимых источников и их территориальная распределенность в России существенно ограничивают возможности многих исследований. Во-вторых, условия доступа исследователей к источникам в отечественных архивах, когда, по словам Е.М. Главацкой, «мы бодаемся с архивами за каждую метрическую книгу», не способствуют улучшению источниковой базы и ее широкому использованию на общероссийском уровне в оцифрованном виде. Еще одним немаловажным аспектом, отмеченным доцентом кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, канд. ист. наук Е.А. Брюхановой, является то, что имеющиеся исторические источники с персональными данными, переведенные в электронный вид, не имеют единообразия, а базы данных даже по одному источнику могут оказаться несопоставимы.

Следующее отличие, которое можно считать и одной из главных причин отставания отечественной исторической демографии по многим параметрам от зарубежной, – это финансирование научных исследований и образования в целом. «Требуются серьезные временные и финансовые затраты на выполнение средне- и долгосрочных научных проектов. В РФ за последние 25 лет финансовых источников для выполнения этих работ, как правило, нет, а нищета современных исследователей не позволяет эти работы проводить за свой счет», – отметил в одном из ответов и.о. Лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра РАН, д-ра ист. наук А.Н. Садовой. Подобного мнения придерживается и профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, д-ра ист. наук М.К. Чуркин. В своем ответе он указал на то, что финансовая поддержка зарубежных исследований (в США, Великобритании, Нидерландах) позволила более интенсивно внедрять информационные технологии, а это, в свою очередь, сделало более доступными первичные источники, особенно для одновременной работы с ними. В целом, по его мнению, «отсутствие идеологических препятствий и интенсивность внедрения новых информационных технологий, безусловно,

предоставило западной исторической науке фору в реализации историко-демографических исследований».

Среди других отличий было названо преобладание фактографических исследований в отечественной исторической демографии, что также обусловлено всеми факторами, перечисленными выше.

Однако не все участники считают уровень развития отечественной исторической демографии ниже зарубежного. По мнению В.Л. Дьячкова, в лице своих лучших представителей отечественная историческая демография явно выше зарубежной в методологическом отношении и не слабее в методическом (инструментальном). Заведующий кафедрой источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета, д-ра ист. наук С.Г. Кащенко также отмечает, что западные коллеги не учитывают ряд тонкостей в работе с источниками, поэтому предлагаемая ими методика не всегда является идеальной.

6. Каковы, на Ваш взгляд, основные векторы развития отечественной исторической демографии и ее перспективы?

Векторы развития и перспективы отечественной исторической демографии участники анкетирования определили, в основном, исходя из своего опыта историко-демографических исследований, тематики и тех аспектов, про которые они говорили в ответах на предыдущие вопросы. При этом далеко не все выделили векторы и перспективы, дав один общий ответ относительно будущего исторической демографии в России. Три человека ответ на вопрос не дали.

Векторами развития отечественной исторической демографии были названы (насколько возможно было это выделить в ответах):

- сочетание новых и старых методов;
- расширение источниковой базы;
- увеличение возможностей уже изученных материалов (источников);
- продолжение традиционных историко-демографических исследований;
- усиление междисциплинарности. В частности, доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, канд. ист. наук И.Г. Силина отметила: «Перспективы видятся в привлечении

профессиональных демографов, картографов, а также в расширении хронологических рамок исследований».

Что касается тематики исследований, то было отмечено сохранение интереса к демографическим последствиям войн, революций, социальных реформ XX в., историко-демографическим проблемам конца XIX – начала XX вв., особенно периода Первой мировой и Гражданской войн, изучение демографических последствий голода 1932–1933 и 1946–1947 гг., анализ тенденций воспроизводства населения в 1950-, 1960-, 1970-е гг., анализ социодемографического тренда периода перестройки и ельцинских реформ, анализ воспроизводства и миграций населения России в годы Второй мировой войны. Также было указано на смещение акцентов с изучения динамики населения на внутренние факторы, определяющие содержание демографического поведения.

Не менее трех человек отметили, что перспективной должно стать создание различных форм кооперации и взаимодействия исследователей на различных уровнях, начиная со студентов и заканчивая профессорами и академиками. Такими формами могут и должны стать профессиональные сети, ассоциация, регулярные конференции, конгрессы, школы, журналы. Необходимо включать информационные продукты, создаваемые в рамках исследований, в общее научное поле. Должна быть налажена и развиваться кооперация между региональными научными центрами. С этой точки зрения в качестве важного вектора обозначено формирование научных школ.

По мнению респондентов, необходимо создавать базы данных и другие информационные продукты общероссийского уровня, обеспечив при этом широкий общий доступ к ним. Ну, и конечно же, одной из главнейших перспектив должна стать подготовка высококвалифицированных специалистов с соответствующим уровнем заработной платы и финансированием научных исследований. С этими выводами трудно не согласиться.

Подводя общий итог, отметим, что анкета в целом подтвердила сделанный нами ранее вывод о складывании в России такого научного направления, как «новая историческая демография».

Авторы статьи выражают глубокую благодарность всем специалистам, принявшим участие в анкетировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. К истокам «новой исторической демографии»: от формы к содержанию // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–2 (88). С. 38–42.
2. Щетинина А.С. Историческая демография за рубежом на современном этапе: методы, источники и основные направления // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–2 (88). С. 260–263.
3. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С., «New Historical Demography» in Russia: evolution or a leap? // Poland's Demographic Past (Przeszłość Demograficzna Polski). 2016. № 1 (38). P. 7–27.
4. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. «Новая историческая демография» в России: эволюция или скачок в развитии? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (18). С. 29–53.
5. Щетинина А.С. Новая историческая демография за рубежом. Краткий историографический обзор // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2 (90). С. 181–184.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 ноября 2018 г.

Traditional and New Historical Demography: An Expert View

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 99–105.

DOI: 10.17223/15617793/443/13

Vladimir N. Vladimirov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vvladimirov@icloud.com

Dmitriy E. Sarafanov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: d_sarafanov@mail.ru

Anna S. Shchetinina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: anyash83@mail.ru

Keywords: historical demography; new historical demography; research methods; Russia.

The aim of this study is to identify and analyze the ideas of researchers from different regional centers of Russia on the essence of the national historical demography and the main vectors of its development on the basis of a survey the authors conducted in 2017. The questionnaire consisted of 6 questions. The first question was “What, in your opinion, is the essence and distinctive features of Russian historical demography at present?” In answering this question, the respondents highlighted two main points: (1) characteristics of the state of Russian historical demography at the present stage; (2) analysis of historical demography in Russia as a scientific direction, its content. The second question was “Is there such a phenomenon as “new historical demography” in Russia? If so, what do you think it means?” 15 people gave a positive answer to the question, one answer was negative, and one respondent was not familiar with the term. The third question was “What topics and problems do you think are the most relevant and in demand in modern Russian historical demography?” Most respondents consider the subject of their research to be relevant and urgent. Two respondents noted that any topic could become one with the use of modern methods, technologies and a professional approach. The fourth question was “Is the “regionalization” of Russian historical demography its distinctive feature today? Please name regional centers of historical demography and achievements you know which are the “visiting card” of each of the centers you have named.” Almost all the respondents note that due to many factors regionalization is a natural way of development not only of historical demography, but also of historical science. The fifth question was “Does the level of development of modern Russian historical demography differ from the level of development of its foreign analogues? If so, what determines these differences?” The respondents that answered this question said that there are some differences, one respondent believes that, at the present stage, the levels of development of modern and foreign historical demography are more or less the same. The main characteristic of Russian historical demography, which can be seen in almost all answers, is its “lagging and catching up” character. The sixth question was “What, in your opinion, are the main vectors of development of Russian historical demography and its prospects?” The respondents determined the vectors of development and prospects of Russian historical demography based on their experience of historical and demographic research, topics and aspects they mentioned in answers to previous questions. In conclusion, it can be argued that the responses to the questionnaire generally confirmed the authors’ previous conclusion about the formation of the scientific directions of a “new historical demography” in Russia.

REFERENCES

1. Vladimirov, V.N., Sarafanov, D.E. & Shchetinina, A.S. (2015) To the Beginnings of “New Historical Demography”: from the Form to the Contents. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4–2 (88). pp. 38–42. (In Russian).
2. Shchetinina, A.S. (2015) Foreign Historical Demography at the Present Stage: Methods, Sources and Basic Directions. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4–2 (88). pp. 260–263. (In Russian).
3. Vladimirov, V.N., Sarafanov, D.E. & Shchetinina, A.S. (2016) “New Historical Demography” in Russia: evolution or a leap? *Poland’s Demographic Past (Przeszłość Demograficzna Polski)*. 1 (38). pp. 7–27.
4. Vladimirov, V.N., Sarafanov, D.E. & Shchetinina, A.S. (2016) “New Historical Demography” in Russia: Evolution or a Leap in Development? *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts*. 3 (18). pp. 29–53. (In Russian).
5. Shchetinina, A.S. (2016) New Historical Demography Abroad: a Brief Historiographical Review. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2 (90). pp. 181–184. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-32

Received: 02 November 2018